

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: NSK.Badmaev@yandex.ru

Образы совы и филина в традиционном мировоззрении бурят

Среди орнитоморфных образов, представленных в традиционных культурах народов Евразии, особое место занимают образы совы и филина. Они еще не получили освещения в бурятской этнографии. Целью нашего исследования является выяснение комплекса бурятских традиционных воззрений о данных птицах. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: охарактеризовать образы совы и филина на основе данных лексики и малых жанров фольклора бурят; рассмотреть мифологические воззрения бурят об этих птицах. Источниковую базу исследования составляют фольклорные, лингвистические и этнографические материалы. Основным в работе является структурно-семиотический метод. Определено, что бурятские названия представителей семейства совиных содержат информацию о наиболее отличительных зоологических чертах и особенностях поведения этих птиц. В малых жанрах фольклора бурят передаются основные признаки филина, что свидетельствует о важной роли этого пернатого в традиционном мировоззрении бурят. Выделено, что в мифологических воззрениях бурят образы совы и филина многозначны и характеризуются амбивалентностью коннотации. Выяснено, что сова и филин наделяются символикой неба, а полярная сова – еще и воды. С филином увязывается мотив негодной жены мифического повелителя птиц и тема враждебности к нему других пернатых. С совой связывали идею оборотничества. Положительное отношение к филину и ушастой сове проявлялось в мифологических воззрениях предбайкальских бурят и было связано с тем, что они считались шаманами-покровителями младенцев. Почитание совы вызвано признанием ее тотемом бурят рода Уляба. В то же время сложился отрицательный образ полярной совы как имеющей нечистую природу. Показано, что ряд традиционных представлений бурят о сове и филине схожи с воззрениями у других народов Евразии, что доказывает их универсальность.

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, мифологические представления, сова, филин, фольклор, лексика.

A.A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: NSK.Badmaev@yandex.ru

Images of an Owl and an Eagle Owl in the Traditional Worldview of Buryats

The images of an owl and an eagle owl are special among other ornithomorphic images in the traditional cultures of the peoples of Eurasia. These two images have not yet been thoroughly studied by Buryat ethnologists. The purpose of this study is to clarify the complex of Buryat traditional views on these birds. This goal is achieved through characterization of the images of an owl and an eagle owl on the basis of data from the vocabulary and small genres of Buryat folklore and consideration of the mythological perceptions of Buryats of these birds. The source base of the research consists of folklore, linguistic and ethnographic materials. The structural-semiotic method is the main research technique. It is determined that the Buryat denominations of representatives of the owl family contain information about the most distinctive zoological and behavioral features of these birds. The main characteristics of the eagle owl are described in small genres of Buryat folklore, which indicates the important role of this bird in the traditional outlook of Buryats. The images of an owl and an eagle owl are ambiguous and characterized by ambivalence of connotation in the mythological views of Buryats. It was found out that the owl and the eagle owl are endowed with the symbolism of the Heaven, and the polar owl is also endowed with the symbolism of water. The eagle owl is linked to the motif of the unfit wife of the mythical lord of birds and the theme of hostility towards him by other birds. The idea of lycanthropy was associated with the owl. A positive attitude towards the eagle owl and the long-eared owl was manifested in the mythological views of the Cis-Baikal Buryats; it was due to the fact that these birds were considered shamans-patrons of infants. The recognition of the owl as the totem by the Buryats of the Ulyaba clan caused veneration of this bird. At the same time, the image of the polar owl as an evil creature was unfavorable. It is shown that certain Buryat traditional ideas concerning the owl and the eagle owl are parallel to the views of other peoples of Eurasia, which proves their universality.

Keywords: Buryats, traditional worldview, mythological representations, owl, eagle owl, folklore, vocabulary.

Введение

Проблема взаимоотношения человека и окружающей его природной среды остается актуальной в российской этнографической науке. Одним из ее аспектов является изучение мифологических представлений об орнитофауне. В культурах народов Евразии особо выделяются образы птиц семейства совиных (совы, филина, сыча), которые имеют зачастую противоположную коннотацию. В традиционном мировоззрении этих народов в основном представлены сова и филин, которые наделяются разнообразием ролей и функций: у некоторых племенных групп они почитаются как первопредки и тотемы; выступают как помощники или транспорт, для примера, женских божеств (у древних греков – Афины Паллады, у индийцев – Лакшми); эти птицы признаются сакральными, им вменяется охранительная функция, сове, в частности, присваивают дар пророчества и мудрость; с другой стороны, они рассматриваются вестниками смерти, несчастий, болезней, их связывают с потусторонними силами и т.д. [Гура, 1997; Винокурова, 2007; Мифы народов мира, 1980; Тресиддер, 1999; Krishna, 2014; и др.].

Не составляет исключение традиционное сознание бурят, в котором также сложились представления об этих пернатых. Образы совы и филина еще не были объектами исследований в бурятской этнографии, поэтому в нашем исследовании ставится целью выяснить комплекс бурятских традиционных воззрений о данных птицах. При этом в работе решаются следующие задачи: охарактеризовать образы совы и филина на основе данных лексики и малых жанров фольклора бурят; рассмотреть мифологические воззрения бурят об этих птицах.

Для раскрытия темы исследования привлекались фольклорные, лингвистические и этнографические материалы. Среди использованных источников значимыми являются фольклорные сведения, собранные Г.Н. Потаниным и М.Н. Хангаловым. Языковой материал представлен данными, содержащимися в двуязычных словарях современных монгольских народов и средневеково-монгольском словаре Н.Н. Поппе [1938], при этом основным лексическим источником является бурятско-русский словарь Л.Д. Шагдарова и К.М. Черемисова [Буряад-ород..., 2010а, б]. В работе применен структурно-семиотический метод, дающий возможность вычленив символику, передающую идеи о сове и филине.

Образы совы и филина по данным лексики и малых жанров фольклора бурят

В дикой фауне Юго-Восточной Сибири обитают различные представители совиных: ястребиная сова (*Surnia ulula*), филин (*Bubo bubo jennisensis*), белая

сова (*Bubo scandiacus*), мохноногий сыч (*Aegolius funereus*), домовый сыч (*Athene noctua*), воробьиный сыч (*Glaucidium passerinum*) и др. [Байкал, 2009, с. 303]. Но в бурятском языке не все из них получили собственное обозначение. Так, в бурятско-русском словаре упоминаются такие виды названного выше семейства птиц: *Буха шубуун* ‘букв. могучая птица; сыч мохноногий’; *шара шубуун* ‘букв. желтая птица; филин’; *хуухирдэг* ‘букв. крикун; сова’; *уули* ‘букв. зоб; сыч, сова’; *тажсаа* ‘букв. вздувшийся (о животе); полярная сова’; *уулэн хулганша* ‘букв. сова мышкующая; филин домовый’ [Буряад-ород..., 2010б, с. 221, 310, 465, 620]. Дословные переводы приведенных выше номинаций преимущественно очерчивают круг наиболее значимых с точки зрения бурят зоологических черт представителей совиных. Добавим, что в лексике бурят встречается еще такие наименования, как *буг* ‘злой дух; сова’, *бэгсэргэ* ‘сова, сыч’. Отсюда можно заключить, что буряты, хотя в целом различали этих ночных птиц, но зачастую не видели разницу между совой и сычом. Заметим, что большинство перечисленных выше названий совиных не находят языковых параллелей у иных монгольских этнических групп.

Однако в лексике монгольских народов имеет распространение название филина в значении желтая птица: у монголов это пернатое именуют *шар шувуу* ‘филин’ [Большой академический..., 2001–2002, с. 1612], у калмыков – *шар шовун* ‘филин’ [Хальмг-орс толь, 1977, с. 678], у бурят – *шара шубуун*, у хамниган – *шара шибуу* ‘филин’ [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 347]. В языке средневековых монголов данную птицу называли *кеуе* ‘филин’ [Поппе, 1938, с. 218]; надо полагать, что эта лексема имела локальное употребление. Между тем появление упомянутой выше номинации филина у современных монгольских народов могло произойти в ранний период их истории, о чем косвенно свидетельствует использование цветового маркера при обозначении пернатого.

Слова, близкие по звучанию бурятскому *бэгсэргэ*, отмечены у хамниган – *бэгцэргэ* ‘сова, сыч’ [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 88], дархатов – *бештирген* ‘сова’ и урянхайцев – *буксерге* ‘сова’ [Потанин, 1883, с. 164–165]. Вероятно, лексема из языка закаменских бурят – *багсарга*, обозначающая, по М.М. Содномпиловой, один из видов семейства ястребиных [2005, с. 163], на самом деле является вариацией указанного выше орнитонима.

Сумеречный, ночной образ жизни представитель совиных получил отражение в следующем фразеологизме: *Буг баатар болохо* ‘букв. Становиться филином; не спать до поздней ночи, полуночничать’ [Буряад-ород толи, 2010а, с. 147].

В малых жанрах бурятского фольклора из семейства совиных в основном представлен образ филина. В загадках подчеркиваются его отдельные биологические признаки. Так, в одной из них обращается

внимание на окрас оперенья птицы и ее большие глаза:

Тэмээн халюун жуһутэй (зуһэнтэй),
Тэнгэрийн Солбон нюдутэй (нюдэтэй).
Игренья как у верблюда масть,
Как небесная Венера глаза (Перевод наш. – *Авт.*).
[Жамцарано, 2006, с. 62].

В другом произведении этого жанра акцент делается на форму его головы, а сидящего на дереве филина ассоциируют с буддийским божеством:

Бута буумал тархитай,
Бурхан багшын хуудалтай.
Голова как кочка падающая,
С седалищем верховного божества
(Перевод наш. – *Авт.*).
[Там же, с. 63].

В то же время кударинские буряты указывали на характерное уханье филина, цвет его оперенья и привычку к одиночной охоте:

Бур буурхан (бурхан) дуутай,
Бужан торгон дэгэлтэй,
Гая (гоё) мунгэн хэгэтэй,
Гансаараа ябаха еһотой.
С песней подобно бурлению (воды),
С халатом из крепкого шелка,
С красивым серебряным огнивом,
С привычкой быть одиноким.
(Перевод наш. – *Авт.*). (ПМА).

Мифологические представления бурят о сове и филине

Несомненно, на образы рассматриваемых пернатых, сложившиеся в традиционном мировоззрении бурят, оказало влияние их поведение в дикой природе, прежде всего, их активность в ночное время суток. В этой связи укажем, что подобно некоторым другим птицам с филином увязывали мотив негодной жены царя птиц, известный в фольклоре разных народов. В бурятской легенде «Филин» причиной ее изгнания мифическим повелителем орнитофауны Гарудой послужила привычка филина кричать по ночам [Хангалов, 1960, с. 29].

Интересно, что в другой версии этого фольклорного произведения поднимается тема враждебности к филину остальных птиц, которая в народном сознании объясняла скрытный, ночной образ его жизни. По сюжету желание супруги Гаруды рожать на импровизированной постели, составленной из птиц, связанных продетой через сделанные отверстия в клнове веревкой, спровоцировало недовольство к царственной персоне, которое высказывает отсутствовавшая на собрании птица [Сказания бурят..., 1890, с. 74]. В итоге устыдившийся птичий повелитель изгоняет свою дурную жену.

Положительное восприятие филина и совы в случае с предбайкальскими бурятами было продиктовано народными представлениями о птице-покровителе, якобы способном защитить новорожденного ребенка от посягательств демонологических существ *анай* и *ада* [Хангалов, 1960, с. 39–40]. Такую прирученную птицу (филина, ушастую сову) отличало наличие на голове двух пучков удлиненных ушных перьев. Верили, что это знак «птичьего шамана», именуемого *найжа* ‘шаман-покровитель’. Причем филина величали *боо баабай* ‘шаман-отец’, а ушастую сову – *боо баатар* ‘шаман-богатырь’ [Манжигеев, 1978, с. 25]. Эта градация, вероятно, не только отражала очевидное различие между данными видами семейства совиных, но и подчеркивала мнимое старшинство филина. Напомню, что в бурятской культуре были и другие примеры отнесения животных с отличительными чертами к шаманам: напр., среди собак выделяли категорию собак-шаманов [Хангалов, 1960, с. 67]. Этот культурный феномен является показателем архаичности сознания бурят конца XIX в. (когда исследователями были записаны упомянутые выше фольклорные материалы), согласно которому, животный и человеческий миры взаимосвязаны и взаимодействуют.

Надо полагать, что идея о больших ушных перьях как признаке «шаманской» природы изучаемых птиц была унаследована бурятами предбайкальских родов от той части предков, чей шаманский головной убор украшался перьями филина, а это было характерно монголам (уряхайцам, халха и т.д.) и тюркам Саяно-Алтая (алтайцам, тувинцам, хакасам и др.). Отметим, что такая традиция отражала их мифологию, по которой, данная птица выступала то духом-покровителем или духом-помощником шамана, то его транспортом. Любопытно, что в фольклоре алтайцев прямо указывается, что филин был шаманом, но был обращен в птицу [Потанин, 1883, с. 183]. Тесная увязка филина и совы с шаманской традицией имела место и в культуре индейцев Северной Америки, которые почитали их как шаманских птиц [Мифы народов мира, 1980, с. 838].

Охранительная функция ушастой совы переносилась на отдельные части ее тела, служившие амулетами для детей [Басаева, 1974, с. 34]. Сказанное в той же степени относимо к филину, перья которого применялись в качестве магической защиты от нечистой силы [Хангалов, 1958, с. 333]. Вера в отвращающие качества совы и филина, проявлявшаяся в использовании их как оберега, в частности, фиксируется у славян [Гура, 1997, с. 583].

Оба пернатых хищника, одной из сфер обитания которых является небо, априори несут небесную символику. В этом можно убедиться, в частности, на примере совы: в легендах предбайкальских бурят она неслучайно выступает отцом сына неба [Потанин, 1883, с. 674]. Особенно показателен образ белой (полярной) совы, загадочной для бурят тем, что она появлялась на их землях только зимой. Г.Н. Потанин

приводит следующее поверье забайкальских бурят, в котором объясняется отсутствие данной птицы летом: «Саган шибон (*сагаан шубуун*. – Авт.), белая сова, только зимой живет на земле, а летом погружается в воду, и когда подгоняют поить табун к тому озеру, в котором она укрылась, она убивает громом по несколько скотин за раз» [Там же, с. 184]. В этих народных суждениях утверждается не только водная символика полярной совы, но и содержится указание на ее небесную природу. Дело в том, что в бурятской мифологии орудиями светлых небожителей, прежде всего верховного бога-творца и громовержца Аяа, были гром и молнии («громовые стрелы»), а сова, как упоминается в поверье, предстает громовержцем. Отдаленное сходство обнаруживается в традиционном мировоззрении китайцев, которые тоже связывали сову с громом [Тресиддер, 1999, с. 346].

Следует обратить внимание на название полярной совы в бурятской лексике – *сагаан шубуун*. Буряты аналогично именовали священную для них птицу – лебедя. Самое очевидное объяснение такого совпадения находим в преимущественно белом окрасе оперения обоих пернатых.

Относительно полярной совы сложилось иное видение, чем лебедя, это транслирует вариант цитируемого выше поверья, записанного у забайкальских бурят. Согласно нему, в грозу эта птица дразнит бога-громовержца, по этой причине он пускает в нее громовые стрелы [Потанин, 1883, с. 184]. Некоторую параллель с данным сюжетом имеют поверья монгольских дербетов, по которым полярная сова якобы преследуется повелителем небес за убийство его сына [Там же, с. 234]. Несмотря на отличие текстов у забайкальских бурят и дербетов, можно констатировать отрицательное восприятие ее образа и теми и другими.

Надо заметить, что упомянутое выше бурятское предание представляет собой кальку с другого фольклорного произведения, правда, в котором актором выступает *Араахан шудхэр* ‘Волосатый черт’ – небольшой волосатый черт, враждующий с богом-громовержцем *Хухэдэй-мэргэн* [Там же, с. 141]. А это позволяет предполагать, что в представлениях бурят данное пернатое имело демоническую природу.

В случае с номинацией филина – *шара шубуун* – все обстоит иначе: используемый в названии эпитет никак не соотносится с естественным цветом оперения этой хищной птицы – в основном серовато-охристым. Поэтому здесь нужно исходить из символического желтого колора у бурят, который ими обычно трактуется как вечность и изначальность, а это коррелирует с понятием сакральности.

Вместе с тем у предбайкальских бурят Улябинского рода имело место почитание совы как тотемного животного. Кроме того, согласно генеалогическому мифу этих бурят, она спасает и выкармливает брошенного матерью ребенка, ставшего впоследствии основателем рода Уляба [Дампилова, 2005, с. 101].

Филин также представлял объект поклонения предбайкальских бурят: ему, подобно орлу, приносили обязательные жертвоприношения [Потанин, 1883, с. 92]. Вероятно, он, как и орел, воплощал одного из грозных духов-хозяев и связывался с небесными богами.

В традиционном мировоззрении бурят наряду с положительной коннотацией эту птицу окружает негативный ореол. Народная примета, зафиксированная у селенгинских бурят, гласит: «Если филин по ночам садится во дворе и кричит, то быть больному на долгое время» [Смолев, 1900, с. 28]. Крик, издаваемый хищной птицей, прилетевшей из чуждого для людей пространства – леса, читался как зловеющий знак. Согласно примете, у бурят уханье филина ассоциировалось с наступлением тяжелой болезни. Аналогию этому можно провести с воззрениями южных славян, воспринимавших рассматриваемых ночных птиц возбудителями болезней [Гура, 1997, с. 572].

Такие представления, но в отношении совы, были у многих народов Евразии, для примера, у индусов прилет совы и звуки, издаваемые ею, считались дурными предзнаменованиями, ее воспринимали вестником смерти и несчастий [Krishna, 2014, p. 190]. Схожие воззрения были у славян, которые появление у дома представителей семейства совиных рассматривали как предвестие смерти или несчастья [Гура, 1997, с. 569]. Подобные суждения были у алтайцев [Потанин, 1883, с. 183] и у некоторых других народов.

Отрицательное отношение бурят к сове проявляется в приведенной выше номинации *буз* ‘злой дух, сова’, которая указывает на связываемый с птицей мотив оборотничества демонического существа в нее.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что бурятские названия представителей семейства совиных содержат информацию о наиболее отличительных зоологических чертах и особенностях поведения этих птиц. В то же время в малых жанрах фольклора бурят также передаются основные признаки, но только филина, что свидетельствует об особом месте этого пернатого в традиционном мировоззрении бурят.

Анализ традиционных представлений бурят позволяет констатировать, что образы совы и филина полисемантически и характеризуются амбивалентностью коннотации.

Выяснено, что сова и филин наделяются символической неба, а полярная сова – еще и воды. С филином увязывается мотив негодной жены мифического повелителя птиц и тема враждебности к нему других пернатых. С совой связывали идею оборотничества.

Позитивное отношение к филину и ушастой сове проявляется в воззрениях предбайкальских бурят о них как шаманах-покровителях младенцев. Почита-

ние совы обусловлено тем, что она считалась тотемом бурят рода Уляба. В то же время сложился негативный образ полярной совы, как имеющей нечистую природу.

Часть традиционных представлений бурят о сове и филине находит аналогии с воззрениями других народов Евразии, что свидетельствует об их универсальности.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

Байкал: природа и люди: энциклопедический справочник / под ред. А.К. Тулохонова. – Улан-Удэ: ЭКОС: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 608 с.

Басаева К.Д. Традиционные обычаи и обряды западных бурят, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка // Этнографический сборник. – Улан-Удэ, 1974. – Вып. 6. – С. 28–43.

Большой академический монгольско-русский словарь: Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001–2002. – 2198 с.

Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров. В 2-х т. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010а. – Т. I: А–Н. – 636 с.

Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров. В 2-х т. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010б. – Т. II: О–Я. – 708 с.

Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Петрозаводск, 2007. – 565 с.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 248 с.

Жамцарано Ц.Ж. Путевой дневник 1908–1909 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 119 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации. – М.: Наука, 1978. – 127 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия / под ред. С.А. Токарева. – М.: Сов. энцикл., 1980. – 1147 с.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 566 с. – (Тр. ИВ АН СССР; т. XIV).

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. – Вып. IV: Материалы этнографические. – 1026 с.

Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. – 1890. – Т. 1, вып. 2. – 160 с.

Смолев Я.С. Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк // Тр. КОПОИРГО. – 1900. – Т. 1, вып. 3. – С. 79–135.

Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. – Иркутск: Радиан, 2005. – 218 с.

Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.

Хальмг-орс толь. Русско-калмыцкий словарь / под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.

Хамниганско-русский словарь / сост. Д.Г. Дамдинов, Е.В. Сундуева. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 364 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – Т. 3. – 421 с.

Krishna N. Sacred Animals of India. – New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014. – 274 p.

References

Basaeva K.D. Traditsionnye obychai i obryady zapadnykh buryat, svyazannye s rozhdeniem i pervymi godami zhizni rebenka. In *Etnograficheskii sbornik*. Ulan-Ude, 1974. Iss. 6. P. 28–43. (In Russ.).

Damdinov D.G., Sundueva E.V. Hamnigansko-russkij slovar'. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p. (In Hamnigan., Russ.).

Dampilova L.S. Shamanskije pesnopeniya buryat: simvolika i poetika. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 2005. 248 p. (In Russ.).

Gura A.V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russ.).

Khangelov M.N. Collected Works. Ulan-Ude: Buryat book, 1958. Vol. I. 551 p. (In Russ.).

Khangelov M.N. Collected Works. Ulan-Ude: Buryat book, 1960. Vol. III. 421 p. (In Russ.).

Krishna N. Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014. 274 p.

Manzhigeev I.A. Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy: opyt ateisticheskoi interpretatsii. Moscow: Nauka, 1978. 127 p. (In Russ.).

Muniev B.D. (ed.). Khal'mg-ors tol'. Russko-kalmytskii slovar'. Moscow: Russkii yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm., Russ.).

Poppe N.N. Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adab. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1938. 566 p. (In Mong., Russ.).

Potanin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperat. Rus. Geogr. obshchestva. Iss. 2: Materialy etnograficheskije. St. Petersburg: tipografiya V. Kirshbauma, 1883. 1026 p. (In Russ.).

Purbeev G.Ts. (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. Moscow: Academia, 2001–2002. 2198 p. (In Mong., Russ.).

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. (ed.). Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar'. In 2 vol. Ulan-Ude:

Respublikanskaya tipografiya, 2010a. Vol. I. 636 p. (In Buryat., Russ.).

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. (ed.). Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar'. In 2 vol. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2010b. Vol. II. 708 p. (In Buryat., Russ.).

Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami. In *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Irkutsk, 1890. Vol. 1. Iss. 2. 160 p. (In Russ.).

Smolev Y.S. Tri tabangutskikh roda selenginskikh buryat: etnograficheskii ocherk. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 1900. Vol. 1. Iss. 3. P. 79–135. (In Russ.).

Sodnompilova M.M. Semantika zhilishha v traditsionnoj kul'ture burjat. Irkutsk: Radian, 2005. 218 p. (In Russ.).

Tokarev S.A. (ed.). Mify narodov mira: Entsiklopediya. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 1147 p. (In Russ.).

Tresidder Dzh. Slovar' simvolov. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 448 p. (In Russ.).

Tulokhonov A.K. (ed.). Baikal: priroda i lyudi: entsiklopedicheskii spravochnik. Ulan-Ude: EKOS: BSC SB RAS Publ., 2009. 608 p. (In Russ.).

Vinokurova I.Y. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii): dokt. sc. (history) dissertation abstract. Petrozavodsk, 2007. 565 p. (In Russ.).

Zhamtsarano Ts.Zh. Putevoi dnevnik 1908–1909 gg. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 2006. 119 p. (In Russ.).

Бадмаев А.А. <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Дата сдачи рукописи: 29.09.2024 г.